

Самигулов Г. Х. Формирование тюркской группы калмак и Сарт-Калмакской волости в Южном Зауралье XVIII века / Г. Х. Самигулов // Научный диалог. — 2018. — № 9. — С. 275—294. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-9-275-294.

Samigulov, G. Kh. (2018). Formation of Turkic Group of Kalmaks and Sart-Kalmak Volost in Southern Trans-Urals of 18th Centur. *Nauchnyy dialog*, 9: 275-294. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-9-275-294. (In Russ.).

УДК 94(47).06+908(470.5)“17”

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-9-275-294

Формирование тюркской группы калмак и Сарт-Калмакской волости в Южном Зауралье XVIII века¹

© Самигулов Гаяз Хамитович (2018), orcid.org/0000-0002-4695-5633, SPIN-code 9008-7262, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет) (Челябинск, Россия), gayas_@mail.ru.

Рассматривается вопрос о формировании родоплеменной группы калмак в составе башкирской сословной группы. Автор критически оценивает аргументы, приведенные в работах Б. А. Азнабаева, посвященных рассматриваемому вопросу. Уделяется внимание проблемам сословной организации общества. Представлены результаты сопоставительного анализа архивных материалов и опубликованных источников, касающихся формирования и ранней истории существования группы аюкинских калмыков в Южном Зауралье XVIII века. Поднимается вопрос о роли государства в создании Сарт-Калмакской волости, а также в создании условий для формирования и сохранения родоплеменной группы калмак. Особое внимание уделяется определению социального статуса ясачного населения как сословия, чьей обязанностью была уплата ясака, а правом (привилегией) — вотчинное право на земли, с которых выплачивался ясак. Новизна исследования видится в том, что впервые вводятся в оборот архивные документы, касающиеся решения об отводе земли группам аюкинских калмыков, служилых сартов и служилых мещеряков в 1748 году, наглядно показывающие определяющую роль государства в определении социального статуса и прав на землю упомянутых групп населения. Актуальность исследования об-

1 Статья выполнена при поддержке Правительства РФ (Постановление № 211 от 16.03.2013 г.), соглашение № 02.А03.21.0011; исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (государственное задание 33.5494.2017/БЧ).

условлена неослабевающим интересом к этнической истории и достаточно противоречивыми трактовками социокультурных процессов в Южном Зауралье XVIII века в работах оппонента.

Ключевые слова: башкиры; сословная группа; вотчина; волость.

1. Введение

Предлагаемая статья является ответом на публикации Б. А. Азнабаева, посвященные истории формирования группы калмак (колмак) в составе зауральских башкир; одновременно вводятся в оборот новые источники по истории тюркского населения Южного Зауралья конца XVII — середины XVIII веков. Напомню, что рассматривается история формирования вполне конкретной этнической группы, основная часть которой проживает сегодня на территории Сафакулевского района Курганской области — именно она носит название *калмак*, являясь самостоятельной родоплеменной единицей в составе современного башкирского народа. Видение истории формирования этой группы у нас с Булатом Ахмеровичем Азнабаевым разное, и определяется эта разница подходами и обеспеченностью исследования архивными материалами.

Название статьи Б. А. Азнабаева «Формирование родоплеменной структуры “колмак” в башкирском этносе» [Азнабаев, 2017] не совсем соответствует содержанию, поскольку сам процесс формирования родоплеменной группы калмак (колмак) в ней практически не рассматривается. В работе Б. А. Азнабаева констатируется факт существования такой группы сегодня и дается гипотетическая реконструкция возможных форм взаимодействия калмыков (предков представителей современной группы калмак) и башкир, на чьих землях они проживали. Такой вариант был бы вполне уместен, если бы речь шла о бесписьменном периоде либо хотя бы об отсутствии опубликованных работ и выявленных источников по рассматриваемому вопросу. Но сегодня есть уже некоторое количество публикаций, посвященных возникновению Сарт-Калмакской и других новых тюркских волостей в Зауралье XVIII века, основанных на архивных материалах [Самигулов, 2012, 2015а, 2015б, 2016]. К сожалению, в статье ощущается недостаток архивных материалов, которые подтверждали бы высказанную Б. А. Азнабаевым версию.

Наша с Б. А. Азнабаевым дискуссия по поводу формирования группы калмак в составе башкир имеет пусть короткую, но все же историю [Азнабаев, 2014; Самигулов, 2015; Азнабаев, 2017], продолжением которой является предлагаемая вниманию читателей статья. В ней затронуты три достаточно важных вопроса: 1. О сословной группе «башкиры». 2. О вотчинном праве башкир и других групп населения. 3. Собственно об исто-

рии начала формирования родоплеменной группы калмак. Порядок изложения определен простой логикой — не прояснив первый вопрос нельзя разобраться со вторым, а не достигнув понимания в двух первых, сложно воспринимать версию истории событий, не укладывающуюся в рамки существующих стереотипов. По этим вопросам у нас с Б. А. Азнабаевым существуют расхождения, которые можно обозначить как принципиальные.

2. О сословной группе «башкиры»

Б. А. Азнабаев включил в свою работу целый раздел, озаглавленный «Проблема существования башкирского сословия в XVII—XVIII вв.». Здесь я должен принести извинения за неточную формулировку в своей статье, где использована фраза «сословие башкир» [Самигулов, 2015, с. 49]. Сказался один из стереотипов, транслируемых некоторыми исследованиями. В действительности надо было писать о «сословной группе башкир» или «этносословной группе башкир». Относительно служилых мещеряков формулировка в той статье выглядела именно так: «этносословная группа служилых мещеряков» [Самигулов, 2015, с. 47], с башкирами была допущена ошибка в определении. Дело в том, что башкиры представляли собой сословную группу в составе сословия ясачных людей. Общие обязанности сословия ясачных людей — уплата ясака, общее право (привилегия) — вотчинное владение землей. На вопросах вотчинного права остановлюсь ниже, здесь ограничусь констатацией. Таким образом, использование некорректного определения спровоцировало Б. А. Азнабаева на разбор ситуации с существованием «сословия башкир». Но весьма важна и та аргументация, которую он использовал, опровергая мой тезис.

Как аргумент, свидетельствующий о том, что башкиры XVII—XVIII веков не являлись сословием, он приводит «отсутствие правовых норм, регулирующих статус башкир отдельно от других “инородцев”, подведомственных Приказу Казанского дворца» [Азнабаев, 2017, с. 79]. Еще одна выдержка из статьи Б. А. Азнабаева: «Факт существования “башкирского сословия” в XVII — первой половине XVIII вв. ставится под сомнение на том основании, что население территории, подведомственной Приказу Казанского дворца, не было интегрировано в правовое пространство Российского государства. И. П. Ермолаев первым обратил внимание на специфику деятельности Приказа Казанского дворца. Он, в частности, указал на то, что это ведомство приобрело черты учреждения со специальным профилем, связанным с определением общей национальной политики правительства в государстве. Население, подведомственное Приказу Казанского дворца, находилось в особом правовом поле, не имеющем

аналогов в других регионах страны» [Азнабаев, 2017, с. 79]. Текст достаточно сложен для восприятия, не совсем понятно, что автор имел в виду: население, подведомственно приказу Казанского дворца находилось вне российского правового поля («не было интегрировано» в него)? Или же оно находилось в «особом правовом поле»? Или Приказ Казанского дворца на этом населении апробировал некие инициативы, которые становились основой национальной политики в государстве в целом? Согласитесь, что это три совершенно разные ситуации.

Есть и другие нестыковки в изложении аргументации уважаемого коллеги: «Население, подведомственное Приказу Казанского дворца, находилось в особом правовом поле, не имеющем аналогов в других регионах страны. Поэтому указы, регулирующие права нерусских народов региона, не фиксировались в общероссийских законодательных сборниках. В 1724 году В. Н. Татищев писал, что «башкиры больше нигде не судимы как в Уфе, для которого повсюду съезжаются из разных мест многочисленностью». Сами башкиры в 1741 году объясняли свое нежелание судиться в других городах тем, что «о содержании башкирцев в Уфе имеются указы особые» [Азнабаев, 2017, с. 79—80]. Первое, что необходимо отметить — автор противоречит сам себе: выше на той же странице цитируемой статьи он привел большую выдержку из указа Приказа Казанского дворца 1638 года, указав, что почти дословно эта норма вошла в главу XVI Соборного уложения [Азнабаев, 2017, с. 79]. А затем декларировал, что указы этого ведомства не фиксировались в общероссийском законодательстве. Второе: фраза о том, что население, подведомственное Приказу Казанского дворца находилось в особом правовом поле, не имеющем аналогов в других районах страны, выглядит тоже странно в свете упомянутой статьи Соборного уложения. Поскольку Соборное уложение являлось сводом законов, обязательным для исполнения на всей территории Российского государства, то тождество текста статьи 43 главы XVI Соборного уложения [ПСЗ, т. I, с. 80—81] и указа того самого Приказа 1638 года прямо свидетельствует, что «инородческое» население, подсудное Приказу Казанского дворца находилось в общем правовом поле Российского государства. Более того, фактически это единственная статья в Соборном уложении, в которой зафиксированы права ясачного населения на вотчинные («ясачные») земли.

Что касается подсудности башкир только в Уфе, как некоего признака их (башкир) особого положения. Такова была общая практика, существовавшая в XVI—XVIII вв. — податное и служилое население было судимо в том уезде, где платило подати либо несло службу. То есть крестьяне Тюменского уезда — в Тюмени, ясачные вогулы Верхотурского уезда —

в Верхотурье, тюменские служилые татары — в Тюмени, башкиры, будучи ясачными людьми Уфимского уезда, были подсудны в Уфе. Приведу цитаты из документов XVII века, которые хорошо иллюстрируют эту ситуацию. Отписка в Москву туринаского воеводы, 1632 г.: «И около, государь, Туринского острогу ясачных волостей построились твои государевы слободы: Красная слобода и Чюбарово городище, и в те слободы по твоему государеву указу указывают из Тобольска, и на Невье и на Режу и в Новой слободе указывают с Верхотурья... и мне, государь, холопу твоему в тех слободах русским людем о звериных ловлях и огнях заказать не уметь, что они не под туринаским присудом...» [Миллер, т. III, с. 460]. Объяснение тюменских ясачных татар, 1660-е гг.: «на тобольских и верхотурских детей боярских и на слобочких казаков и на крестьян в их изгоне и в разореньи им татаром ездить в Тоболеск и на Верхотурье за бедностию не мочно, да и не смеют, боясь от тех прикащиков и от слобочких казаков и от крестьян впредь большего разорения, а на Тюмени тобольские и верхотурские дети боярские и казаки и крестьяне не подсудны» [СПФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 8, л. 248]. Приказчика Ирбитской слободы туринаский воевода обвинял: «Меня ты тем бесчестишь, что мимо меня туринаских ясачных татар судишь» [Преображенский, 1972, с. 176]. Надеюсь, приведенные выдержки из документов достаточно хорошо показывают, что подсудность по месту уплаты ясака, других податей либо приписки по службе была общим явлением в самых разных уездах, а не исключительно привилегией башкир. Таковая подсудность определялась вовсе не этническими признаками, а сугубо социальными (я помню, что этничность является одним из видов социальной идентичности, но в контексте настоящей статьи вынужден «развести» эти понятия). Помимо прочего, здесь автор вновь противоречит сам себе, поскольку сначала пишет про «отсутствие правовых норм, регулирующих статус башкир отдельно от других «кинородцев», подведомственных Приказу Казанского дворца», а затем акцентирует внимание на подсудности башкир только в Уфе.

Далее, Б. А. Азнабаев пишет: «О формировании служилого сословия из башкир можно говорить лишь с 1798 г., когда, согласно указу от 10 апреля, башкирское и мишарское население края было переведено в военно-служилое сословие и обязывалось нести пограничную службу на восточных рубежах России. Вместе с тем рамки этого сословия не совпадали с этнической принадлежностью его представителей. Наряду с мишарями, в военно-служилое сословие впоследствии были включены тептяри и часть казахов» [Азнабаев, 2017, с. 80]. Военно-служилым сословием башкиры стали в 1754 году, после замены уплаты ясака покупкой соли

[Материалы ..., т. 4, ч. II, с. 427—428]. С этого же времени башкиры и служилые мещеряки стали регулярно привлекаться для несения линейной службы, как на Оренбургской, так и на Сибирской линиях [Материалы ..., т. 4, ч. II, с. 502—512]. Что же касается границ сословия, а точнее — сословной группы башкир, то мещеряки и до, и после 1798 года составляли отдельную от башкир сословную группу, равно как и тептяри. Включение всех их в состав башкирской сословной группы произошло после преобразования Башкиро-Мещеряцкого войска в Башкирское в 1855 году, а окончательно (уже в рамках сословия вольных землепашцев, но с сохранением вотчинных прав на землю) это произошло в массовом порядке на основе «Положения о башкирах» в 1864 году [Положение, 1863].

3. О вотчинном праве

Б. А. Азнабаев повторил уже приводившиеся в работе 2014 года рассуждения: «В своем исследовании, посвященном истории башкирской семьи, А. З. Асфандияров отрицал возможность массового проникновения в башкирские родоплеменные структуры представителей других этнических групп населения. Он, в частности, отметил, что тептярям из татар, мордвы, удмуртов, марийцев, а также мишарям-припущенникам был наглухо закрыт доступ на башкирские вотчинные земли в качестве их владельцев. Лишь в редчайших случаях их представители могли стать башкирами-вотчинниками» [Азнабаев, 2017, с. 79]. Как объясняет автор, «главным препятствием для широкой инкорпорации “инородцев” было башкирское вотчинное право, которое предоставляло исключительные земельные права только башкирским родам» [Азнабаев, 2017, с. 80—81]. Как видим, автор полагает, что вотчинными правами пользовались башкиры как этнос, а не башкиры как сословная группа. Однако определение прав и обязанностей в феодальном государстве происходит не по этническому, а по сословному признаку, то есть вотчинным правом пользовались не башкиры как народ, а ясачное население Уфимского уезда, называвшееся башкирами. И определяло наличие либо отсутствие вотчинного права государство.

Известно, что у уфимских историков сложилось мнение о том, что башкиры были единственной группой населения, обладавшей вотчинными правами на землю: «Главной особенностью социально-экономического положения дореволюционных башкир было то, что они с середины XVI до начала XX в. являлись народом-вотчинником. Каждый свободный башкир-общинник имел вотчинное право на землю. Ни один из народов Российского государства не имел таких прав» [История ..., т. III, с. 61]. Но эта точка зрения совершенно не соответствует действительности, поскольку:

А) вотчинным правом обладали башкиры и тарханы как сословные группы (ясачное и служилое население Уфимского уезда), а не башкирский народ. Уплата ясака (башкиры), либо служба (тарханы) обеспечивала вотчинные права на ясачные угодья. И наоборот — наличие вотчинных угодий подразумевало уплату ясака либо службу. Проиллюстрирую двумя примерами: 1. После начала строительства крепостей и отвода к этим крепостям земель из башкирских угодий, было проведено межевание для того, в числе прочего, чтобы определить, насколько уменьшить размер ясака в связи с уменьшением ясачных территорий [ОГАЧО. ф. и-44, оп. 1, д. 164, л. 18; МИБ, т. III, с. 501—502]; 2. И. И. Неплюев писал о реакции башкир и мешеряков на инициативу о замене для них уплаты ясака обязанностью покупать соль: «имели сперва сумнение в том, что ежели с них ясак снимется, то им б чрез то земель своих не лишиться, яко оной на них расположен и числится по землям», однако, после обещаний, что вотчинные земли останутся за ними, «кажется они, башкирцы и мешеряки, охотно к тому приступили и за отягощение себе не вменяют, рассуждая ис того пользу, что они бес платежа единственно служивыми будут, так как и казаки» [МИБ, т. IV, с. 427]. Выше я уже писал, что именно с 1754 года, то есть с того времени, как с них была снята обязанность платить ясак, башкиры перешли в служилое сословие. А пока констатируем — вотчинное право на землю было связано не с «этнической принадлежностью» башкир, а с фактом принадлежности к ясачному либо служилому населению.

Б) вотчинными правами обладали и ясачное население Сылвенско-Иренского поречья Кунгурского уезда [Ислаев, 2008], и ясачные вогулы Верхотурского уезда [РГАДА, ф. 111, оп. 1, д. 44, л. 42; д. 338, л. 121—147], и татары (ясачные и служилые) Тюменского и Туринского уездов [АИ, т. V, с. 49—50; Миллер, т. III, с. 296, 394—395], и т. д. В случае с перечисленными группами ясачного населения Урала и Западной Сибири вотчинное право распространялось на всю территорию хозяйствования, как и у башкир. Только у охотников и рыболовов таежной зоны вотчины были семейными, а у тюркского скотоводческого населения юга леса и лесостепи — коллективные, принадлежавшие всему родоплеменному сообществу.

Резюмирую: наличие или отсутствие вотчинных прав на землю определялось государством, и рассуждения о том, что только представители башкирских родов могли стать вотчинниками, являются скорее попыткой утвердить желаемое, чем отображением действительности. Ниже ведущая роль государства в определении наличия вотчинных прав будет проиллюстрирована на примере аюкинских калмыков и сартов.

4. История формирования родоплеменной группы калмак

В одной из статей 2015 года мы отмечали, что одно из самых спорных положений в небольшой работе Б. А. Азнабаева — полное игнорирование государственных институтов, которые и определяли в итоге и права собственности, и характер владения землей на рассматриваемых территориях. Тем более после восстания 1735—1737 годов и известного именованного указа Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 года [Самигулов, 2015, с. 49]. В ответ Б. А. Азнабаев привел цитированные выше выкладки А. З. Асфандиярова о том, что якобы вотчинниками могли стать только башкиры по происхождению, прокомментировав, что вотчинное право было только у тех, кто относился к башкирским родам. То есть государство, по этой логике, совершенно ни при чем. Все решали сами башкиры. В действительности, как уже говорилось выше, государство определяло, кто является башкиром (в смысле социального статуса), а кто нет. Ирония заключается в том, что Б. А. Азнабаев (как и другие уфимские авторы) в других своих работах вольно или невольно признает главенствующую роль государства в определении вотчинного права на землю. В своей монографии 2005 года он пишет: «Однако главное отличие состояло в том, что зауральские башкиры до начала XVII века не получили вотчинных прав на свои земельные владения, что позволило правительству развернуть здесь масштабное строительство крепостей и острогов» [Азнабаев, 2005, с. 76]. Получается, что вотчинное право иногда определяется государством, а иногда родоплеменными группами?! (По поводу приведенной цитаты необходимо отметить, что в действительности все зауральские башкиры были вотчинниками, и активное строительство острогов и крепостей вовсе не было связано с отсутствием у местного тюркского населения вотчинных прав на землю, однако этот вопрос не является предметом рассмотрения в данной статье).

Но даже если бы было возможно принять всерьез рассуждения о вотчинном праве, «которое предоставляло исключительные земельные права только башкирским родам», то это не имеет никакого отношения к рассматриваемой ситуации. Дело в том, что еще в предыдущей нашей статье (и в ряде других) [Самигулов, 2012, 2015а, 2015б, 2016] было показано, что калмыки получили вотчинные земли не по решению башкир, а по распоряжению властей. Изложу эту историю с добавлением вновь выявленных документов.

Среди башкир Зауралья в конце XVII — первой половине XVIII веков проживало некоторое количество небольших групп и отдельных семей калмыцкого происхождения. Каким образом многие из них оказались на этих территориях, для нас не ясно, но в отношении одного из кланов —

Ямара Зургатаева и его семи сыновей — ситуация достаточно хорошо восстанавливается благодаря выявленным документам. Ямар Зургатаев попал в плен к башкирам во время одного из столкновений конца XVII века и жил в качестве «холопа» одного из башкир Челжеутской (Сальютской) волости. Впоследствии он выкупился и со всей большой семьей жил на землях Сальютской волости. Позже у него произошел конфликт с башкирами, требовавшими, чтобы семья Зургатаева либо платила ясак наравне с ними, либо выселялась с территории сальют. В результате Ямар и шестеро его сыновей изъявили желание стать служилыми мещеряками [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 680, л. 82—90; Самигулов, 2015а]. Еще одна группа калмыков жила в деревне Бурановой, на территории Терсятской волости. Лидером этой группы был калмык Буран Ягораков, можно предположить, что остальные пять семей тоже были калмыками. Обе эти группы (Ямара Зургатаева и Бурана Ягоракова) не поддержали восставших башкир в 1735—1740 годах: Буран Ягораков с другими жителями своей деревни (всего шесть семей) в июле 1737 года перебрались к Катайскому острогу, «понеже де они с ворами не согласны» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 695, л. 224], а клан Ямара Зургатаева примерно в это же время записался в служилые мещеряки команды Муслюма Аширова [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 680, л. 89—90; Самигулов, 2015а].

Был и еще один источник притока калмыков в Южное Зауралье. Его описал в своей работе И. Г. Георги: «В Уфимском наместничестве, в Челябинской округе, на восточной стороне Уральских гор, населены три деревни Калмыками Мугамедданскаго Закона, ис коих каждая имеет из них же старшину. Обращены же они в Мугамедданскую веру Киргизами (казахами, которых тогда называли «киргиз-кайсаками», или «киргизами». — Г. С.), когда были от сих уведены (то есть «уведены ими» (казахами). — Г. С.) из числа Волгских Калмык... Число семей их простирается теперь до ста. Они живут между Башкирцами в особой волости (аймак); жизнь ведут единообразную с ними, имеют зимовники, а летом, с стадами своими, кочуют в войлошных юртах, на разных местах» [Георги, 1799, с. 23]. Как видим, помимо калмыков, попавших в плен во время столкновений с башкирами, были и те, кто сначала попал в плен к казахам, а оттуда уже попал к башкирам. Но И. Г. Георги описывал ситуацию уже в период существования Сарт-Калмакской волости и отдельной команды аюкинских калмыков, и в этом случае мы видим распространение частного случая на всю группу. То есть он описывает выход из казахского («киргиз-кайсацкого») плена как общий путь для всех жителей Калмыкской волости, хотя мы видели выше, что были и другие варианты. Собственно, сам Б. А. Азнабаев приводит примеры историй калмыков, попавших в плен, и не упоминает

ни одного реального примера целенаправленного переселения калмыков из Поволжья на Южный Урал.

После окончания восстания сформировался костяк будущего сообщества «аюкинских калмыков», — группа из нескольких семей во главе с Бураном Ягораковым, который в 1740-х годах обратился к руководству Оренбургской комиссии с просьбой о разрешении калмыкам поселиться отдельной деревней. Последовал указ из походной канцелярии И. И. Неплюева, руководившего Оренбургской комиссией: «калмыку Бураку Егоракову по силе указу ис походной тайного советника кавалера Неплюева канцелярии с прочими таковыми же живущими отдельными дворами в Башкирии калмыками: когда сами желают особою деревней жить, велено, собрав, поселить между Челябинской и Уйской крепостьми и живучи на том месте как ясак платить, так и службу служить обще с башкирами, но токмо оный Бурак и другие таковые ж калмыки на предписанной между Челябинской и Уйской крепостьми порозжей земле селитца не пожелали, за неудобностию, а пожелали поселитца близ Сумляцкой слободы при речке Чумляке, имея внутри Уйской линии по дороге от Челябинска на Бакланскую крепость расстоянием например верховою ездою один день, при озере Куясане, где уже он, Бурак, без отводу перешед в тринадцати дворах поселился» [ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 7847, л. 70 об.]. В 1746 году Исетская провинциальная канцелярия направила геодезии прапорщика Куроедова для отвода Бурану Ягоракову с товарищами угодий на оз. Каясан, на левом берегу р. Чумляк. Надо пояснить, что аюкинские калмыки обратились к властям с прошением об отводе, имея перед глазами пример — в 1742 году земли по р. Тече и озерам Тышки (Тышки), Кунашак, Чебачье и т. д. были отведены служилым мещерякам команды Муслума Аширова [ОГАЧО, ф. и-115, оп. 1, д. 106, л. 115—120; Самигулов, 2016]. Если мы вспомним о том, что клан Ямара Зургатаева по указу 1737 года входил в ту самую команду мещеряков Муслума Аширова, то станет ясно, что ситуацию они знали достаточно хорошо. И пример мещеряков, видимо, вдохновил калмыков попытаться получить землю не в составе мещеряков, а сформировав отдельную группу.

Итак, на р. Чумляк (Сумляне) не позже 1746 года самовольно, то есть не имея разрешительных документов, поселилось 13 семей калмыков. Но уже в 1746 году территория их проживания была размежевана с соседями. Вскоре оказалось, что аюкинские калмыки вовсе не единственная группа, которая желала бы получить землю в Южном Зауралье. В Мякотинской волости, на озере Большие Аллаки жили служилые сарты, пришедшие из Приуралья, из деревни Лабау, в 1710-х годах и припущенные вотчинниками-башкирами Мякотинской волости (бакатин) в 1715 году

[ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1092а, л. 327]. В 1746 году старшина Мякотинской волости Янгильда Супхангулов был вынужден продать значительную часть вотчинных земель Я. Коробкову для нужд строящегося Каслинского завода. Территория волости существенно сократилась, и сарты почувствовали, что было бы неплохо получить какое-то количество угодий. Кроме того, по р. Теча, вблизи озер Тишки, Чебачье, Кунашак и т. д., еще в 1742 году получили земли служилые мещеряки. Но они были не прочь расширить свои владения. Результатом явилось совместное обращение к властям аюкинских калмыков (13 семей), служилых сартов (25 семей) и служилых мещеряков (33 семьи) об отводе им земли по р. Чумляк. 17 сентября 1748 года указом из Оренбургского губернского правления было предписано земли перечисленным группам отвести. Это привело к формированию волостей: Мещеряцкой на левом берегу р. Чумляк, Сартской и Калмакской или Сарт-Калмакской на правом берегу р. Чумляк «в межах Мияской и Еткульской крепостях, Чумляцкой слободы и Карачельского форпоста близ озера Куясана» [ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 7847, л. 70—71]. Общий размер угодий составил 49 x 48 верст [ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 7847, л. 71 об.].

В заключительной части указа И. И. Неплюева от 17 сентября 1748 года указаны и причины наделения этих людей землей, а также их социальный статус: «Елико же до предпомянутых сартов и калмык принадлежит, то понеже они не суть природные башкирцы, но пришедшие из азиатских мест, следственно у них собственной в Башкирии земли не было и быть невозможно, а без удовольствия их землю оставить не надлежит, яко они с башкирцами общую службу служат, ясак равной платят, они ж и бывшие башкирское замешание верно служили, как то свидетельствуют выданные им от командиров указы. Того ради определили: в Исецкую провинциальную канцелярию послать указ, велеть предписанным просителям аюкинцу Бурану Ягоракову с калмыки и сартам ис показанной порозжей земли по вышепоказанному их здесь показанию при поселении при озере Урдабай, тако ж для содержания скота, под пашню и под сенокос отвести земли столько, сколько для их извороту надлежит со всеми к жительству человеческому угоды, дабы им всем как в землях, так и в угодьях недостатку быть не могло. И впредь для бесспорного владения ту им землю ограничить и учиня чертеж в Оренбургскую губернскую канцелярию прислать, а таков же и в провинциальной канцелярии оставить для различительства всяких впредь могущих быть споров. А службы им служить, ясак платить по прежнему равно з башкирцами, как то они доньне исчислятца» [ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 7847, л. 72—72 об.]. В 1748 году для отвода земель по этому указу на правом берегу р. Чумляк был направлен геодезист Михей Мин-

галев [Самигулов, 2015б]. Для завершения картины следует уточнить, что земельный отвод у мещеряков, калмыков и сартов был общим, неразмежеванным. Но, как указано в цитированном документе: «А особливо того наблюсти: есть ли разсудитца Исецкой провинциальной канцелярии перевести мещеряков, чтоб всех их поселить в одно место по реке Чюмляку — калмыкам и сартам берег, а мещерякам другой». То есть между владениями мещеряков, с одной стороны, и калмыков с сартами, с другой, был естественный рубеж — речка Чумляк. Но формального размежевания их угодий не было проведено и на 1786 год, как подтверждали сами мещеряки, калмыки и сарты [ОГАЧО, ф. и-44, оп. 1, д. 131, л. 382].

В предыдущей статье [Самигулов, 2015б], аргументацию которой Б. А. Азнабаев частично рассматривает в своей работе, приведены материалы, свидетельствующие о том, что Калмакская (Сарт-Калмацкая) волость была создана по распоряжению властей Оренбургской губернии. Прочитанные выше вновь выявленные документы подтверждают, что земля аюкинским калмыкам была отведена по их просьбе указом оренбургского губернатора И. И. Неплюева в 1748 году. Этот отвод означал фактическое оформление Сарт-Калмакской волости и создание отдельных команд сартов и аюкинских калмыков [Самигулов, 2012], сделав возможным формирование и сохранение родоплеменных групп сарт и калмак. Башкиры (помимо сартов и аюкинских калмыков) к созданию этой волости никакого отношения не имели, кроме того разве, что земли для новой волости были отрезаны от территории Каратабынской и Барынтабынской нераздельной волости [Самигулов, 2012]. Помимо всего прочего, был проведено расследование по заявлению жителей Чумлякской слободы о том, что калмыки поселились на их землях, землемер проверил его обоснованность и признал аргументы крестьян несостоятельными, указав, что это скорее они завладели излишними угодьями [ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 7847, л. 72].

Важным моментом, определившим лояльное отношение властей к просителям, был характер их действий в период восстаний 1735—1740 годов. Б. А. Азнабаев ставит под сомнение, что Буран Ягораков поддерживал в этот период власти, указывая на то, что В. Н. Татищев называл его «товарищем» одного из вождей восстания Бокшурги Назарова, а также на то, что Буран неоднократно использовался как гонец, доставлявший послания от лидеров восставших представителям власти и наоборот [Азнабаев, 2017, с. 85—86]. Можно добавить к этому, что летом 1736 года «калмык Буран сказывал полковнику Тевкелеву» о намерениях Юсупа Арыкова [РГАДА, ф. 248, кн. 1532, л. 334—335]. Использовать в качестве гонца было целесообразнее кого-то из не замешанных в восстании людей, так была меньше вероятность

их ареста. Как уже указано выше, в июле 1737 года калмык Буран Ягораков с еще семью семьями просил разрешения поселиться у Китайского острога, поскольку они были «не согласны» с восставшими башкирами. Но есть еще прямое указание в цитированном выше документе: «они ж и бывшее башкирское замешание верно служили, как то свидетельствуют выданные им от командиров указы» [ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 7847, л. 72]. Булат Ахмерович Азнабаев также замечает, как бы возражая мне, что были калмыки, поддержавшие восстание и даже возглавлявшие его. Я нигде не писал, что все калмыки не поддерживали восстание. Я писал, что восстание не поддержали те калмыки, которые впоследствии и составили основу населения Калмакской волости и ядро формирующейся группы аюкинских калмыков (родоплеменной группы «калмак»). И это, как видно из прямых указаний документов, именно так. Более того, именно то, что они приняли сторону власти, и дало им возможность получить землю, создать Калмакскую волость и, в результате, сформировать родоплеменную группу, которую мы сегодня знаем как род калмак. О существовании других представителей калмыков, живших в ту пору среди башкир, но не поселившихся на территориях, отведенных группе «аюкинских калмыков» вместе с сартами, мы сегодня знаем в лучшем случае лишь из упоминаний в документах XVII—XVIII веков. Их потомки своей принадлежности к роду калмак не ощущают, растворившись среди башкир тех волостей, где жили предки...

Как уже упоминалось, сначала с Бураном Ягораковым на р. Чумляк поселилась группа аюкинских калмыков в 13 дворов. Общее число точно соответствует количеству семей деревни Бурановой, откуда в 1737 году ушел в «русские жилища» Буран Ягораков вместе со всеми жителями (шесть дворов), и числу сыновей Ямара Зургатаева (семеро). Возможно, это просто совпадение, но мы точно знаем, что Буран Ягораков возглавлял группу аюкинских калмыков, а сыновья Ямара Зургатаева стали основателями родов в составе группы калмак. Среди подписей аюкинских калмыков под письмом о выборе судебного заседателя в 1786 году стоят подписи сотника Мурзабая Кашкина, Сеитбатала Дурнаева, Кутубая и Акмурзы Байшукуровых [ОГАЧО, ф. и-44, оп. 1, д. 114, л. 125—125 об.] При чем подписали письмо меньше 20 человек из 300 душ мужского пола, или более чем из 100 взрослых мужчин, имевшихся на то время в Калмыкской волости. Для сравнения приведу имена сыновей Ямара Зургатаева: Кашка, Калмык, Кузяк, Муртаза, Симка, Дурнай, Байшукур (Байшукар) [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 680, л. 90]. Учитывая, что к 1786 году многие из детей Зургатаева уже были старыми либо скончались, то подписывались их сыновья и внуки. Последних нам сложно определить, поскольку мы не знаем имен

их отцов. Но там фигурируют несколько Бятевых, а также «Бят Кашкин», так что мы можем предположить, что и здесь речь идет о правнуках Ямара Зургатаева, внуках его сына Кашки. Таким образом, Буран Ягораков и потомки Ямара Зургатаева входили в число основателей (тринадцать дворов) Калмыкской волости в Зауралье.

Согласно документам, в 1750-х годах аюкинских калмыков было 32 двора [Рычков, 1887, с. 370], в 1782 году общая численность их составляла 362 человека [МИБ, т. V, с. 381—382], при этом в 1783 году количество дворов у них составляло всё те же 32 [ОГАЧО, ф. и-44, оп. 1, д. 80, л. 8 об.]. В 1811 году аюкинских калмыков насчитывалось 301 человек мужского пола [ЦГИАРБ, ф. 129, оп. 2, д. 129, л. 220.]. Резкое увеличение количества дворов с 13 до 32 в 1740—1750-х годах может быть следствием как притока новых семей калмыков, так и выделения молодых из состава больших нераздельных семей. Скорее всего имели место оба эти процесса. Кстати, сами аюкинские калмыки в 1780-х годах так описывали ситуацию: «что де та наша земля с тем взята, находящимся в двенадцети волостях калмыкам переселится и всеми на оной угодьями доволствоватся» [ОГАЧО, ф. и-44, оп. 1, д. 131, л. 381]. Очевидно, имелись в виду башкирские волости Зауралья. При этом переселившиеся на земли новой волости позже, после 1748 года, должны были уплатить некую сумму в возмещение расходов, понесенных первопоселенцами. Новые поселенцы жаловались, что собранные деньги не распределяются между всеми жителями волости, а «довольствуютца» ими тринадцать дворов.

Самое примечательное заключается в том, что теперь уже сами калмыки и сарты стали припускать на свою землю башкир: «Катайской волости старшина Куйбак Зайсаков скаскою объявил: оного де 1759 году весною, по прозбе его пущены для жительства вами, сотником Буляком Бураковым и ясаулом Султаном Ахметевым он, Куйбак с башкирцами, тридцатью дворами, на отводную землю твою, сотника Буляка и живут по разным мелким озерам» [ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 7847, л. 84].

5. Заключение

Таким образом, мы имеем совершенно определенную ситуацию: в первой трети XVIII века в Зауралье среди башкир разных волостей жили небольшие группы и отдельные семьи калмыков. История их появления в Зауралье была разной — были те, кто попал в плен в ходе столкновений башкир с калмыками, были калмыки, находившиеся в плену у казахов и бежавшие к башкирам. Возможно, были какие-то группы калмыков, бежавших на Южный Урал из Поволжья и осевших здесь, но достоверной информации о них

мы практически не имеем. Часть калмыков в ходе событий 1735—1740 годов не поддержали восставших башкир, заняв сторону властей либо же нейтральную позицию. Именно из них сформировалась инициативная группа во главе с Бураном Ягораковым, которая в 1740-х годах обратилась к руководству Оренбургской комиссии, а позже Оренбургской губернии с просьбой разрешить им жить отдельным поселением, и выделить землю сначала на оз. Каясан, каковая и была им отведена Исетской провинциальной канцелярией в 1746 году. Но позже совместное прошение об отводе подали аюкинские калмыки, служилые сарты и служилые мещеряки, и в 1748 году губернатором И. И. Неплюевым был подписан соответствующий указ, а геодезистом Михеем Мингалевым отведена земля сартам и калмыкам по правому берегу р. Чумляк, а мещерякам — по левому берегу этой речки.

Так были сформированы территории будущих Мещерятской (Карасевской), Сартской и Калмакской (или Сарт-Калмакской) волостей. Первоначальная группа из 13 дворов аюкинских калмыков включала семью Бурана Ягоракова и семьи сыновей калмыка Ямара Зургатаева (Кашки, Калмыка, Кузяка, Муртазы, Дурная, Симки, Байшукура), но, скорее всего, не исчерпывалась ими. Представители этих двух кланов в XVIII веке, после смерти Бурана Ягоракова, руководили волостью, то есть были сотниками (Буляк Буранов, Мурзабай Кашкин, Биляк Муртазин). Одним из основных условий, определивших позицию руководства Оренбургского края в вопросе наделения земель калмыков, сартов и мещеряков, было то, что они в «бывшее башкирское замешание верно служили». Сарты и калмыки тем же указом были причислены к сословной группе башкиры. Но в документах их и в начале XIX века обозначали как *сартов (служилых сартов)* и *аюкинских калмык*, хотя их принадлежность к башкирам под сомнение не ставилась. Вне всяких сомнений, сохранение обозначений *сарт* и *калмак* в официальных названиях волостей и в наименовании составлявших эти волости людей способствовало закреплению этих этнонимов в качестве самоназваний двух формировавшихся родоплеменных групп.

Взаимоотношения башкир и проживавших на территориях их волостей калмыков, как мы видим, не имеют прямого отношения к истории формирования родоплеменной группы калмак (колмак). Эти процессы протекали «до» и, возможно, параллельно процессу создания и развития Калмакской (Сарт-Калмакской) волости. Калмакская волость появилась как результат взаимодействия Российского государства, в лице руководства Оренбургской губернии, и группы калмыков в Южном Зауралье. В самом процессе образования волости башкиры местных родов напрямую задействованы не были. Кстати, прежде чем окончательно утвердить отвод, было пред-

писано: «ожидать о том, яко же и о допущении к тому поселению сарт и служилых мещеряков и калмык впредь желающих и на каких основаниях: в службах и в платеже ясака с башкирцами или особо им быть». То есть государство отводило землю, государство определяло, к какой социальной группе будут относиться те сообщества (сарты, калмыки и мещеряки), которых оно наделило землей.

После отвода аюкинским калмыкам земли к первым 13 семьям добавились новые переселенцы из калмыков, происходило дальнейшее формирование Калмакской волости. Без выделения в отдельную волость со своей землей сохранение «аюкинских калмыков» как отдельной родоплеменной группы было бы просто нереальным при их малочисленности и рассеянности среди башкир.

Надо отметить, что это была не последняя башкирская территориальная волость, сформированная по решению губернских властей в Зауралье в этот период. Позже, в 1760-х годах группа башкир Улу-Катайской волости попросила отвести им «порозжие» земли рядом с ичкинскими татарами, и они получили желаемое (впоследствии эта группа стала называться ялан-катай). Правда, вскоре после отвода выяснилось, что земля на самом деле была не «порозжая», а башкир Каратабынской волости... Подробнее об этом можно прочесть в давно опубликованных работах [Самигулов, 2012; 2014].

В ближайшее время я постараюсь опубликовать часть источников по истории создания упомянутых в этой статье волостей — Мещерякской, Сарт-Калмакской и новой Катайской.

Источники и принятые сокращения

1. АИ — *Акты исторические*, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. — Санкт-Петербург, 1841—1872. — Т. II : 1598—1613, 1841. — 476 с. ; Т. III : 1613—1645, 1841. — 538 с.

2. ГАОО — *Государственный архив Оренбургской области*. Ф. 6 (Оренбургский военный губернатор). Оп. 4. Д. 7847.

3. ГАСО — *Государственный архив Свердловской области*. Ф. 24 (Правление Уральских горных заводов). Оп. 1. Д. 680; Ф. 24. Оп. 1. Д. 695; Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а.

4. МИБ — *Материалы по истории Башкирской АССР* / отв. ред. А. Чулошников. — Москва — Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1936—1960. — Т. I—V.

5. ОГАЧО — *Объединенный государственный архив Челябинской области*. Ф. И-44 (Уездный суд). Оп. 1. Д. 80, 114, 131, 164; Ф. И-63 (Миасская крепость). Оп. 1. Д. 1; Ф. И-115. Оп. 1. Д. 106.

6. ПСЗ-1 — *Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года* : [первое собрание (1649—1825)] : в 45 томах. — Санкт-Петербург : Типография II От-

деления собственной Его Императорского величества канцелярии, 1830. — Т. I : 1649—1675 гг. — 1830. — 1072 с.

7. РГАДА — *Российский* государственный архив древних актов. Ф. 111 (Верхотурская приказная изба). Оп. 1. Д. 44; Оп. 1. Д. 338; Ф. 248 (Сенат и его учреждения (объединение фондов)). Кн. 1532.

8. СПФ АРАН — *Санкт-Петербургский* филиал архива Российской академии наук. Ф. 21. Миллер Герард-Фридрих (Федор Иванович) (1705—1783), историк, академик, конференц-секретарь АН. Оп. 4. Д. 8.

9. ЦГИАРБ — *Центральный* государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. 129 (Ревизские сказки). Оп. 2. Д. 129.

Литература

1. *Азнабаев Б. А.* Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства : (вторая половина XVI — первая треть XVIII вв.) / Б. А. Азнабаев. — Уфа : РИО БашГУ, 2005. — 228 с.

2. *Азнабаев Б. А.* Интеграция аюкинских калмыков в башкирский народ / Б. А. Азнабаев // Вестн. Башк. ун-та. — 2014. — Т. 19, № 4. — С. 1613—1615.

3. *Азнабаев Б. А.* Формирование родоплеменной структуры «колмак» в башкирском этносе / Б. А. Азнабаев // Уральский исторический вестник. — 2017. — № 2 (55). — С. 78—87.

4. *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов : их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей . Часть четвертая / И. Г. Георги. — Санкт-Петербург : При Императорской Академии наук, 1799. — 385 с.

5. *Ислаев Ф.* Писцовая книга пермских татар / Ф. Ислаев // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 2008. — № 1. — С. 45—59.

6. История башкирского народа. В 7 т. Т. 3 / гл. ред. М. М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. — Уфа : Гилем, 2011. — 476 с.

7. *Миллер Г. Ф.* История Сибири / Г. Ф. Миллер. — Москва : Восточная литература, 2005. — Т. 3. — 598 с.

8. *Положение о Башкирах* : закон Российской империи от 14 мая 1863 г. — Санкт-Петербург : В типографии Управления иррегулярных войск, 1863. — 117 с.

9. *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. / А. А. Преображенский. — Москва : Наука, 1972. — 261 с.

10. *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии / П. И. Рычков. — Оренбург : Оренбургское отделение ИРГО, 1887. — 405 с.

11. *Самигулов Г. Х.* Аюкинские калмыки: к истории этнической группы / Г. Х. Самигулов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия История. Вып. 64. — 2015б. — № 14 (369). — С. 45—50.

12. *Самигулов Г. Х.* Вновь созданные ясачные волости в Южном Зауралье второй трети XVIII века / Г. Х. Самигулов // Научный диалог — 2016. — № 1 (49). — С. 234—247.

13. *Самигулов Г. Х.* Путь калмык в башкиры (к истории формирования рода «калмак» в составе башкир Южного Зауралья) / Г. Х. Самигулов // Идель — Алтай : история и традиционная культура народов Евразии. Материалы III Международного форума, посвященного 90-летию доктора филологических наук, профессора С. С. Сузакова. — Горно-Алтайск : Горно-Алтайская типография, 2015а. — С. 26—29.

14. *Самигулов Г. Х.* Территория Сафакулевского района в XVII — начале XIX века / Г. Х. Самигулов // Этнокультурная история населения Сафакулевского района (с древнейших времен до начала XX века). Монография. — Курган : Издательство Курганского гос. ун-та, 2012. — С. 38—70, 83—97.

Formation of Turkic Group of Kalmaks and Sart-Kalmak Volost in Southern Trans-Urals of 18th Century¹

© **Samigulov Gayaz Khamitovich (2018)**, orcid.org/0000-0002-4695-5633, SPIN-code 9008-7262, PhD in History, senior research scientist, Scientific and Educational Centre for Eurasian Studies, South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk, Russia), gayas_@mail.ru.

The formation of a tribal group of Kalmak in the Bashkir estate groups is considered. The author critically assesses the arguments given in the works of B. A. Aznabayev on the issue under consideration. Attention is paid to the problems of estate organization of society. The results of comparative analysis of archival materials and published sources relating to the formation and early history of the group of ayukinskie Kalmyks in the Southern Trans-Urals in 18th century are presented. The question of the role of the state in the creation of the Sart-Kalmak volost, as well as in creating conditions for the formation and preservation of the Kalmak tribal group is raised. Particular attention is paid to the definition of the social status of the yasak population as a class, whose duty was to pay yasak, and whose right (privilege) was the patrimonial right to land from which yasak was paid. The novelty of the study is seen in the fact that for the first time the archival documents concerning the decision on the land allotment to the groups of ayukin Kalmyks, serving Sarts and serving meshcheryaki were put into circulation in 1748, clearly showing the decisive role of the state in determining the social status and land rights of these groups of the population. The relevance of the study is determined by the relentless interest in ethnic history and rather contradictory interpretations of socio-cultural processes in the Southern Trans-Urals of the 18th century in the works of the opponent.

Key words: Bashkirs; class group; patrimony; volost.

Material resources

AI — *Akty istoricheskiye, sobrannyye i izdannyye Arkheograficheskoy komissiyey, 5.* 1841—1872. Sankt-Peterburg. (In Russ.).

1 The article is supported by the Government of the Russian Federation (Decree No. 211 of 16.03.2013), agreement No. 02.A03.21.0011; the study was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (state task 33.5494.2017/ВЧ).

- GAOO — *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti. F. 6 (Orenburgskiy voennyi gubernator). Op. 4. D. 7847.*
- GASO — *Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti. F. 24. Uralskoye gornoye upravleniye. Op. 1. (In Russ.).*
- MIB — Chuloshnikov, A (ed.). (1936—1960). *Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR, I.* Moskva—Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
- OGACHO — *Obyedinennyy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti.* (In Russ.).
- PSZ-I — *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii: sobraniye pervoye.* (1830). Sankt-Peterburg: Tipografiya II Otdeleniya sobstvennoy Ego Imperatorskogo velichestva kantselyarii. I. (In Russ.).
- RGADA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 111. Verkhoturskaya prikaznaya izba; F. 248. Senat i yego uchrezhdeniya (obyedineniye fondov).* (In Russ.).
- SPF ARAN — *Sankt-Peterburgskiy filial arkhiva Rossiyskoy Akademii nauk. F. 21. Miller Gerard-Fridrikh (Fedor Ivanovich) (1705—1783), istorik, akademik, konferents-sekretar' Akademii nauk. Op. 4. D. 8.* (In Russ.).
- TsGIARB — *Tsentralnyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Respubliki Bashkortostan. F. 129 (Revizskie skazki). Op. 2. D. 129.*

References

- Aznabaev, B. A. (2005). *Integratsiya Bashkirii v administrativnyuyu strukturu Rossiyskogo gosudarstva: (vtoraya polovina XVI — pervaya tret' XVIII vv).* Ufa: RIO BashGU. (In Russ.).
- Aznabaev, B. A. (2014). Integratsiya ayukinskikh kalmykov v bashkirskiy narod. *Vestn. Bashk. un-ta*, 19 (4): 1613—1615. (In Russ.).
- Aznabaev, B. A. (2017). Formirovaniye rodoplemennoy struktury «kolmak» v bashkirskom etnose. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 2 (55): 78—87. (In Russ.).
- Georgi, I. G. (1799). *Opisaniye vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov: ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey. Chast' chetvertaya.* Sankt-Peterburg: Pri Imperatorskoy Akademii nauk. (In Russ.).
- Islaev, F. (2008). Pistsovaya kniga permskikh tatar. *Gasyrlar avazy — Ekho vekov, 1*: 45—59. (In Russ.).
- Kulsharipov, M. M. (ed.). (2011). *Istoriya bashkirskogo naroda.* Ufa: Gilem. 7/3. (In Russ.).
- Miller, G. F. (2005). *Istoriya Sibiri*, 3. Moskva: Vostochnaya literatura. (In Russ.).
- Preobrazhenskiy, A. A. (1972). *Ural i Zapadnaya Sibir' v kontse XVI — nachale XVIII v.* Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Polozhenie o Bashkirakh: zakon Rossiyskoy imperii ot 14 maya 1863 g.* Sankt-Peterburg: V tipografii Upravleniya irregulyarnykh voysk. (In Russ.).
- Rychkov, P. I. (1887). *Topografiya Orenburgskoy gubernii.* Orenburg: Orenburgskoe otdeleniye IRGO. (In Russ.).
- Samigulov, G. Kh. (2012). Territoriya Safakulevskogo rayona v XVII — nachale XIXveka. In: *Etnokulturnaya istoriya naseleniya Safakulevskogo rayona*

- (s drevneyshikh vremen do nachala XX veka). Kurgan: Izdatelstvo Kurganskogo gos. un-ta. 38—70, 83—97. (In Russ.).
- Samigulov, G. Kh. (2015a). Put' kalmyk v bashkiry (k istorii formirovaniya roda «kalmak» v sostave bashkir Yuzhnogo Zauraliya). In: *Idel' — Altay: istoriya i traditsionnaya kultura narodov Evrazii. Materialy III Mezhdunarodnogo foruma, posvyashchennogo 90-letiyu doktora filologicheskikh nauk, professora S. S. Surzakova*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskaya tipografiya. 26—29. (In Russ.).
- Samigulov, G. Kh. (2015b). Ayukinskiye kalmyki: k istorii etnicheskoy gruppy. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*, 14 (369): 45—50. (In Russ.).
- Samigulov, G. Kh. (2016). Vnov' sozdannye yasachnye volosti v Yuzhnom Zauralie vtoroy treti XVIII veka [Newly Created Yasak Volosts in South Trans-Urals in Second Third of XVIII Century]. *Nauchnyy dialog*, 1 (49): 234—247. (In Russ.).